

КОГДА
ПАДЁТ
НЕБО

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кай Мико

Когда падёт небо

<https://litres.ru/74160677>

SelfPub; 2026

Аннотация

Главная героиня, Офелия Селин, с детства живёт с травмой: насилие в семье, смерть матери и одиночество закалили её характер, но оставили глубокие шрамы — не только на теле, но и в душе. Сбежав от прошлого, она находит себя в армии, а затем — в мире, разрываемом войной, катаклизмами и нашествием бессмертных существ, превращающих людей в заражённых.

Оказавшись в холодной столице, Офелия становится частью странного, разрозненного отряда, где дисциплина уступает место внутренним конфликтам, а доверие — редкость. Здесь она встречает Эйдена — бессмертного ангела, который вопреки своей природе выбирает защиту людей. Их связь уходит корнями в далёкое детство, хотя ни один из них сразу этого не осознаёт. На фоне сражений, предательства, старых врагов и возвращающихся воспоминаний, Офелии предстоит сделать выбор: продолжать жить, закрывшись от чувств, или позволить себе слабость — ту самую, что может оказаться её главной силой.

Содержание

Когда падёт небо...	4
ПРОЛОГ. Вечная служба	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	10
ГЛАВА ВТОРАЯ	27
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	68
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Кай Мико

Когда падёт небо

Когда падёт небо...

*Когда падёт небо, останется только одно — любовь,
что не знает границ между светом и тьмой*

ПРОЛОГ. Вечная служба

Мой отец убил мою мать. Это случилось три дня назад. Я была еще ребёнком, мне было всего девять лет.

Отец часто бил нас с мамой. Он оскорблял нас. Помню его крики о том, что он убьёт нас, и нам никто не поможет. Отец боялся, что мама изменяет ему. А ведь у мамы даже подруг не было, не то чтобы друзей мужского пола. Я защищала ее, и за это получала точно также, как и мама.

Три дня назад это стало последней каплей. Отец выпил, пришел домой, а мама вернулась только после него. Лучше бы она вообще тогда не возвращалась, потому что потом они сильно разругались. Мама пыталась давать отцу отпор, впервые в жизни она не оправдывалась, а защищала себя.

— *Может, это ты ненормальный?* — Кричит мама, и бьёт его по лицу.

Отец разгневался ещё больше. Он ударил её сильнее, и та упала на колени. Пока мама пыталась восстановиться, папа взял нож со стола, и когда мама полностью поднялась на ноги, он вонзил нож ей в грудь. В этот момент я стояла в дверном проёме. Когда дверь скрипнула, оба родителя обратили на меня внимание. Перед этим отец ещё пару раз ударил её ножом в то же место. Мама упала на пол, давась в собственной крови.

В окровавленных руках отца был нож. Я долго и испуганно смотрела в его агрессивные глаза.

— *Офелия...*

После последнего слова мама закрыла глаза, и перестала дышать. Я неистово закричала. Уверена, отец убил бы и меня, если бы не соседи, сбежавшиеся на мой крик.

И уже сегодня я иду в церковь с *убийцей*.

Я всё ещё помню реакцию отца на то, что я увидела. Помню, как после ухода соседей он взял меня за воротник блузки, и протянул к себе, ударил. Он бил меня на протяжении десяти минут, пока я не потеряла сознание. Уже на утро я проснулась с огромным синяком под глазом, и с ссадинами на шее и руках. Я помню, как он душил меня, и желал мне смерти...

А уже сегодня я иду в церковь, месте с ним, как ни в чем не бывало. Мне было не ясно, как реагировать на всё происходящее.

— Пап, можно водички попить? — Спрашиваю я, стоя рядом с ним.

Он крепко держал меня за руку, и мне всё равно было холодно. Когда за руку меня держала мама, мне было гораздо теплее.

— Ты дома не напилась?

— Пожалуйста! — Просила я.

Отец, сложа руки на груди, фыркнул:

— Давай, бегом.

Он пихнул меня в бок, после чего я хромым шагом отстранилась. Мне не хотелось пить. Я пошла на выход. *Мне было противно стоять с ним.*

Выйдя на улицу, мои щеки стала обдувать метель, которая сегодня была очень сильной. Как помню, увидела сидящего на ступеньках мальчика. У него были белоснежные вьющиеся волосы, светлая кожа и голубые глаза. Он вовсе не выглядел как ребенок: был высоким, и детская припухлость у него как будто давно исчезла. Мальчишка обернулся на меня, а после встал со ступенек, и подошёл ко мне.

— Я Эйден. — Говорит парень, протягивая мне руку для пожатия, но я даюсь не с первого раза.

— Ты кто?

— Эйден.

После его слов я слабо улыбаюсь.

— Ладно, тогда я Офелия. Ты работаешь тут?

— Я *живу* тут. Мне двенадцать.

Глаза у меня были по пять копеек. Я удивилась:

— Ничего себе, а я думала ты взрослый!

— Я просто высокий.

Между нами пробежала секунда тишины, а после парень спросил:

— Тот, с кем ты стояла, твой отец? Проходя мимо него, я видел, как он чесал руки, практически сдирал свою кожу. Он у тебя бешенством болеет?

— Нет. Если только человеческим. Он бьёт меня.

Мне было так сильно больно, что я уже не могла держать это в себе. Вся эта грязь жевала меня изнутри. Слова больше не поворачивались, поэтому я выбрала другой метод.

Я показываю синяки на своём лице, а после ссадины на шее, и на запястье. По всюду на руках у меня были розовые шрамы, и около запястья был розовый шрам от того, что отец часто тушил сигарету этим местом.

Эйден аккуратно берёт меня за руку, с ужасом рассматривая раны.

— Выглядит больно. Прости.

— Я привыкла. Не извиняйся, тебе не за что. — После этого я отвела взгляд в сторону.

— А у меня нет родителей. Они в аварии разбились, мне тогда четыре года было.

Я слышала лёгкую дрожь в его голосе. Значит, он тоже одинок. Внутри меня что-то вздрогнуло. Мне было жалко его. Он тоже страдает, как и я. Но я могу помочь ему избавиться от этой боли. Раньше мама всегда успокаивала меня объятиями.

Я медленно подошла к нему, и обняла его, крепко. Раньше я обнималась только с мамой. После ее смерти мне даже держаться за ручку с кем-то было очень неловко и неприятно. Но сейчас я делаю это первая. Мне стало его жалко.

— Прости...

— Всё нормально. — Я почувствовала, как он улыбнулся мне.

Я ощущала тепло, когда он начал гладить меня по спине. Это было так... *приятно*. Он был таким ласковым, таким милым.

Вдруг, кто-то резко хватает меня за руку, и тянет на себя. Я тут же слышу разъярённый голос отца:

— Слышишь, сука. За водой пошла?

После этого он наклонился к мальчишке, и спросил:

— А твои родители знают, чем ты тут занимаешься?

После этого всю дорогу отец гневно высказывался обо мне, и о том, какая я беспринципная безделушка. *Кажется, что я всегда буду помнить этот момент...*

ГЛАВА ПЕРВАЯ

«Выжить среди врагов — одно, а научиться жить с добротой — совсем другое испытание...» — Офелия.

В поезде было подозрительно тихо, и все же не долго.

Нашу страну настигла громкая война с соседями. Мы не справлялась с войной, как нам прислали катаклизмы в виде бессмертных и отродья, которые делают из людей заражённых, которые также немало опасные.

В окне я видела горы, и небо кровавого цвета. Около гор были слышны взрывы и выстрелы. Всю свою жизнь, как помню, боялась громких звуков. То отец кричать начнёт, то посуда разобьётся, то сирена будет звучать глубокой ночью, то я начну стрелять из оружия, и будет слишком громкий хлопок.

В шестнадцать лет я сбежала от отца. Мне надоело жить жертвой, поэтому я решила играть в нападающего. Я пошла в армию, которая показалась мне спасением, но и там я подвергалась насмешкам. Я состояла в отряде с парнями. Они меня не уважали, а генерал считал, что я самая лучшая, и сделал меня главной. Никто из парней не слушал меня. Я вовсе не внушала страха, с меня только все смеялись. Было так противно смотреть на эти лица все три года. После это-

го я работала там ещё один год медсестрой, тогда мне было девятнадцать лет. Незадолго до того, как мне исполнилось двадцать лет, начались эти катаклизмы.

Пока я была в своём городе, меня назначили медсестрой и охотницей на демонов. В нашем городе только и летали, что отродья, да бессмертные. Никогда ещё не видела бессмертного, что будет помогать людям.

Я никогда не боялась войны. Она шла абсолютно везде, я жила на фронте: дома, в школе, в армии. Это будет продолжаться бесконечно, ведь люди не такие добрые, какими кажутся на первый взгляд.

Дай людям ружье, и они перестреляют кого угодно, лишь бы выжить.

Когда в небе появились отродья, а поезд окружили заражённые — из громкоговорителя раздался голос:

— Внимание, немедленно всем лечь на пол лицом к низу и прикрыть голову руками, не издавайте ни звука!

Все послушно выполнили приказ машиниста. Прележали мы в таком положении два часа. Нас валяло из стороны в сторону. Поезд сильно трясло. Отродья не должны были видеть нас, иначе разнесли бы поезд в клочья. Уже в лесу мы легко оторвались от них. Через лес мы ехали целых три часа.

Я сидела на своём месте, пока под ногами и сбоку тряслись мои сумки. Наконец-то в моей жизни было хоть какое-то разнообразие. Я переезжаю столицу. Столица у нас самая холодная, и самая лесная. Она известна своими особ-

няками. Этот город не заброшен, и там до сих пор продолжают торговать разными безделушками. Или... по крайней мере мне так говорили.

На самом деле, по прибытии в столицу я практически не увидела ничего особенного. Вокруг не было особняков, как мне рассказывали. Всё, что осталось от них — лишь обломки, которые горят ещё с начала осени.

— Добрый день миссис Селин. — Говорит мужчина, протягивая руку.

Высокий мужчина. Выглядит он молодо, хотя я знаю, что ему двадцать восемь. Со слегка волнистой тёмной причёской, длиной по плечи. Глаза у него были цвета тёмного шоколада.

Ну тут даже я была в шоке. Миссис? Это когда я в двадцать лет успела выйти замуж? То есть теперь двадцать лет — это предел, после которого ты рожать и выходить замуж не можешь? Ну и культура у них на севере. У него то у самого жены небось нет, с таким-то юмором то.

Я пожимаю его руку, и поправляю:

— Мисс. Мне двадцать, и я не замужем.

— По телефону вы казались гораздо старше, да и внешность я представлял другую...

— Какую?

— Думал вы женщина в возрасте, а тут такая молоденькая красавица. Правда стрелять умеешь?

Женщина, простите... в возрасте? Нет, мне в армии, ко-

нечно, говорили, что у меня строгий тон, но на голос женщины в возрасте я точно не претендую. Ему нужно перестать шутить со мной, иначе я покажу ему все, о чем он просит. Ногу прострелю.

— Умею. Показать?

Мужчина на секунду замолчал, идя за мной следом. Он был юморной, и кажется... *добрый*. Чем-то он всё-таки зацепил меня. Я сочла его как неплохого напарника. Сев в машину, он сказал мне:

— Я, кстати, Нолан.

— Приятно познакомиться. Я Офелия.

По прибытии на базу Нолан представил меня отряду. Ясно было, что передо мной стоял не весь отряд. Три девчонки, и два парня, считая Нолана — явно не весь отряд

— Это Эмма, — произносит парень, и мне махает высокого роста девушка, с чёрными волосами чуть ниже плеч, на которых местами виднелись светлые пряди. У девушки нежно голубые глаза, длинные ресницы и пухлые губы. — из лука стреляет, а раньше занималась скалолазанием.

— Эмма, приятно. — Представляется девушка, и я жму ей руку.

— Это Асия, — говорит Нолан, и показывает взглядом на тихую, и по виду отстраненную девчонку низкого роста. У неё длинные русые волосы, которые были собраны в огромную косу, а также голубые глаза и длинные ресницы. — она хорошо дерётся.

Асия молча, с серьёзным видом пожала мне руку. От неё не очень-то веяло теплом и радостью, что в отряде появился новый участник. Я решила не поднимать тему о ней. Мы плавно перешли к самой жизнерадостной, как мне показалось, девочке, которая, к слову, была старше меня на три года.

— А это Санни, она наш историк.

Невысокого роста девочка с кудрявыми каштановыми волосами и янтарным цветом глаз пожимает мне руку. В двадцать три года у неё неплохое тело: она худенькая, но бёдра всё-таки присутствуют. *Мне бы тоже не помешало привести себя в форму.*

— Я Офелия. — Представляюсь я, и улыбаюсь всём.

Нолан, слегка приобняв меня, повёл за собой.

— Тебе помочь с вещами? — Спрашивает он, предлагая свою помощь.

Сумки у меня действительно были тяжёлые, но я решила тащить всё сама, не отвечая ему.

— Ты ведь знаешь, что женщинам не положено таскать такую тяжесть?

— Не переживай, мне можно. — Отвечаю я, и вешаю через плечо сумки с оружием.

Поднимаясь по лестнице, я раздумывала о том, куда мог подеваться весь отряд. Обычно нового сотрудника встречают с распростёртыми объятиями, но не от кого такого тепла, как от Санни, я не видела. Ещё меня поразило то, насколько

девушки неопрятно выглядели, конкретно Эмма. Они были какие то худые, то слишком высокие, то слишком низкие. Такие хрупкие девочки...

— Почему у вас такие деревянные девочки? — Фыркнула я. — Они точно стрелять и драться умеют, не на балет пришли?

Нолан усмехается.

— Думаешь тебе одной такой худышкой можно здесь красоваться? У нас половина отряда таких.

— Как мне известно от тебя за пару минут до знакомства с этими девочками, они единственные в отряде.

Мы шли по, кажется, бесконечному коридору. В некоторых местах в стенах были огромные дыры, из которых дул сильный ветер. Снег сочился через стекло.

— Замечательное состояние базы. — Говорю я, наблюдая за всем.

— Прости, другой комнаты нет. — Отвечает мне Нолан, пропуская внутрь насквозь промерзшей комнаты с двумя кроватями. — Я могу принести что-то, если тебе надо. Если будет сильно холодно, то приходи к девочкам, у них будет теплее, только в комнате по кровати.

Не сказать, что меня разочаровали его слова, но я явно не обрадовалась тому, что буду жить в таком страшном морозе. Можно было замёрзнуть здесь насмерть, поэтому я зажгла свечку.

Оконная рама была почти выбита, а из неё шёл поток хо-

лодного воздуха. Было морозно, но терпимо. Я не стала напрашиваться на лучшую комнату, ведь Нолан сам сказал, что эта последняя комната. А этим хрупким девушкам я ни за что не пожелаю спать в этом холоде. Кровать была застелена, а одеяло на ощупь было пустое, это был обычный пододеяльник. Даже если я укрылась бы ещё и покрывалом, то не думаю, что мне всё равно было бы комфортно. Поэтому нужно попросить тёплое одеяло, или хотя бы плед.

Коридоры в поместье были такие бесконечные и пустые. Вроде бы столько рабочих, столько участников отряда живут а этом поместье, а коридоры пустые. Нолан ошивался непонятно где, пока гость бегает по этажам и ищет хоть какого-нибудь человека, который даст ему это чёртово одеяло. Смелости постучаться в любую другую комнату у меня не хватило. Я обошла всю базу, и не нашла ни одного человека. В итоге я решила вернуться в свою комнату.

Уже пребывая на своём этаже, я шла довольно медленно. Всё равно никого не нашла. Поместье не было целое. В стенах красовались дыры, возле которых валялись осколки стекла. С другой стороны, чего можно было ожидать от столицы, которая имеет популярность в списках городов, которые стоит бомбить первыми.

Внезапно на крыше мне показался силуэт. Я на секунду остановилась. На крыше сидел бессмертный. У крылатого было очень странное поведение. Обычно бессмертные тут же чувят людей, но этот сидел спокойно. Не смотря на то, что

в центре крыльца стояли торговцы, он просто медленно наблюдал за происходящим. Любой другой бессмертный уже бы избавился от этих людей. *Кто он такой?*

— Офелия! — Слышу я знакомый голос, и поворачиваюсь. Это была Санни.

— Привет, — говорю я, хотя час назад уже здоровалась с ней. — ты меня искала?

Глупый был вопрос, ответ на который положительный, ведь я действительно искала кого-либо, а точнее всех тех, кто в итоге занят непонятными вещами в своей комнате. Я же прекрасно слышу их разговоры.

— Я подумала, что было бы неплохо познакомиться поближе. Может чаю выпьем? Ты наверное устала с дороги. — Предлагает она, и я отвечаю:

— Мне плед нужен.

— Тебя наверное в самую холодную комнату и поселили, я права? Она у нас одна.

Не знаю, что ей отвечать на это. Я не могла понять, язвит ли она мне, или нет. Через пару секунд я заметила, как Санни увела взгляд куда-то за мою спину, после этого она воскликнула:

— Эйден!

Я обернулась, и силуэт с крыши тут же исчез. Санни вылезла на крышу, а после указала мне на ангела.

— Он бессмертный. Мы нашли его раненым в пещере. После этого он добровольно служит нам. Он говорит, что хочет

мира с людьми.

— Так он ангел? — Уточняю я, на что Санни кивает.

Интересно. *Бессмертный с добрым сердцем?* Впервые слышу о таком, а тем более вижу.

С Санни мы сидели на кухне, пили чай. С водой и огнём у них конечно было печально. У них была ванная, но там шла только прохладная вода, долго купаться не представлялось возможным. Санни говорила о том, что происходит в столице. Люди столичные конечно сильные, раз не бояться вражеского воздуха. Они торговали, не особо пугаясь бессмертных.

— Некоторые идут туда как раз с мыслью о том что их убьют. Они потеряли смысл жизни как люди. — Говорит кудрявая, на что я пожимаю плечами.

На самом деле здесь все были такие странные. Люди не заботились о себе и о своей жизни. Они даже не возлагают надежды на отряд. Ладно, об отряде я бы не выразилась чем то хорошим, ведь меня заселили в самую продуваемую комнату, никто не ходит по коридорам, и одновременно не занимается поручениями генерала, а «самые важные шишки» этого отряда, кажется, были Эмма, Асия и Санни. У нас в «селе» и то дисциплина получше будет. Поскорее бы увидеть генерала. Хотелось бы посмотреть на то, кто воспитал этих бездельников.

— Санни? — Окликнул кудрявую строгий мужской тон.

— Да, генерал? — С этими словами девушка тут же встаёт

из-за стола.

Перед ней стоял высокий мужчина с широкими плечами. У него были длинные тёмные волосы длиной по локти, и серый пустой взгляд. Выглядел он свирепо. Вроде бы Санни очень даже уважает его, либо мне просто так кажется.

— Приятно познакомиться, Зейн. — Мужчина протягивает мне руку.

Мужик как мужик, но всё же *генерал*. Его «дети», так скажем, должны его уважать, а выглядит будто ровно наоборот. Может он сам распустил их?

— Офелия. — Сухо отвечаю я, пожимая его руку.

Он был крепким, и на вид достаточно строгим. А ещё к нему у меня было достаточно много вопросов, на счет воспитания ребят. Ладно, хватит мне уже докапываться до них.

— Асия и Ник будут ждать тебя снизу. Ты вместе с ними пойдёшь в лес. Там есть на что посмотреть. — Говорит мужчина. — Генерал, вы не думайте, что Офелия будет там третьей лишней? Ну, Ник и Ася всё таки... — начала Санни, но Асия тут же забежала на кухню, с недовольным тоном:

— Давай без гипотез.

Санни поспешила покинуть кухню. Мне нечего было брать, и не во что было переодеваться, поэтому я, надев куртку, пошла за девушкой. Рядом с ней шёл Ник: высокий парень в форме. У него выющиеся каштановые волосы и глаза цвета изумруда. У парня также хорошо выражены скулы. Он был симпатичным, но слишком странным, или... подозре-

тельным? Ладно, парень он благородный, а точнее... немного каблук, потому что потекает Асе, хоть они даже не встречаются.

Мы должны были обойти весь лес, но стоило нам за полтора часа дойти до середины, как началась жуткая метель и сильный снегопад. Мгла больно резала щеки. Я вечно держала оружие наготове. Пытаясь прикрыть шарфом лицо, я одновременно осматривала всё вокруг. Ася возмущалась.

— Зачем ты оружие достала? — С недовольством спрашивает девушка с огромной косой.

— Тебе бы шапку не помешало надеть. — Отвечаю ей я, не замечая на напарнице головного убора.

Асия фыркнула:

— Я старшая, имей уважение.

— Хорошо. *Вам* бы шапку не помешало надеть.

— Девочки, хватит вам. — Прерывает нас Ник, идя позади Аси.

— Ты бы лучше работала так, как умничала. Думаешь, что приехала такая молоденькая и красивая будешь парней цеплять? Ты же только этого и ищешь.

Асия была очень грубой, и мне не понравилось это. Я отвечаю:

— Даже не надеялась на роман, пока моей жизни угрожают бессмертные и отродья.

— О, так ты охотница на демонов? — Смеётся Ася, и я поправляю ее:

— На бессмертных, в том числе.

— У нас есть пару бессмертных. — Встревает в разговор Ник. Он не хотел, чтобы мы ссорились. — Может знаешь его. Он хороший, добрый.

Я не стала делиться тем, что встретила сегодня бессмертного, сидящего на крыше поместья. Замечая то, как халатно ко мне отнеслась Асия, я решила оставить другую информацию при себе. Вдруг раздаётся возглас. Асия проваливается под снег. Мы с Ником тут же принялись доставать её, едва не провалившись сами. Ник принялся помогать Асе. Она была в ужасе. В такие моменты любое движение может стать ошибкой. Мы тянули её за руки. Сами вроде твердо стояли на ногах.

Ник полностью вытаскивает её. Девушка пыталась отдышаться. Парень пытался успокоить её. В этот момент я услышала шепот. Он был неприятным, и в какой-то степени отвлекающим.

Пока я двадцать минут бежала на звук, я успела упасть, и провалиться в такие же ямы в которые проваливалась Асия. Мне было жутко холодно, и я была промокшей насквозь.

Вдруг я увидела развалины, возле которых сидел демон с красными крыльями, и пожирал человеческую плоть. Я медленно поднимаю на него дуло пистолета, а после говорю:

— Либо ты сейчас встаёшь, и идешь за мной, либо я застрелю тебя.

Демон не оборачивается на меня. Он скидывает тело в

развалины. Мне удалось выстрелить в бок. Я не смогла до конца разглядеть демона, и тут же подбежала к обрыву. Не успела я даже взглянуть вниз, как вдруг он резко обвалился. Я ринулась вниз. Вдруг я чувствую чьи то тёплые руки на своей талии, а после этого лечу вверх. Мне не хватало смелости обернуться. Когда существо опустило меня на землю, я возразила:

— Ты кто? — Я тут же направила на него дуло пистолета. Парень с усмешкой поднял руки.

— Не трать время и патроны впустую. Я Северский ангел.

— Да хоть африканский... — отвечаю недовольно я, держа пушку в руках. Бессмертный же перебил меня:

— А вот это было грубо.

— Мне плевать.

— Надо дождаться остальных, стой на месте.

— Это я тебе должна сказать! — Рявкнула я.

— Я то стою на месте, в отличие от тебя. Я не статуя, чтобы рассматривать меня. — Отвечает мне ангел.

— Я хотя бы не перебиваю.

— Виноват, признаю. Но не наставляй же на меня пистолет из-за этого? — Он тут же усмехается, а из кустов выходят Ася и Ник.

Девушка отряхивается, и до сих пор дрожит.

— Эйден, я тебя ненавижу! Если бы ты появился чуть раньше, то...

Эйден? Значит это тот бессмертный, который сидел на

крыше, и тот бессмертный, о котором мне с сияющим взглядом поведала Санни? Передо мной стоял высокий парень с хорошим телосложением. У него были белоснежные вьющиеся волосы, светлая кожа и голубые глаза. Он так напоминал мне одного человека из прошлого, не могу вспомнить, как его звали... тот... которого я встречала в церкви...

— Это Эйден Редд. — Говорит Ник, указывая на бессмертного. — И да, он не нападает на своих, поэтому можешь убрать пистолет.

Так, наверное в более неловкое положение я себя ещё никогда не ставила, и больше не поставлю. Теперь я готова провалиться сквозь землю. Эйден медленно подошёл ко мне, протянул руку. Я была достаточно мала ростом, всего по его грудь. Его взгляд был таким горячим, таким глубоким...

— Приятно познакомиться. — Говорит он с лёгкой улыбкой, и, кажется, забыв про то, что пару минут назад я грозила убить его.

— Приятно. Офелия Селин. — Отвечаю я, пожимая его руку.

Его взгляд будто дрогнул, когда я представилась. Обычно у меня так бывало, когда я узнавала то, что вроде бы вообще узнавать не должна была... не понимаю, что было не так. Все так странно смотрели на меня.

— У тебя все ботинки снегом забиты. — Замечает Ник, а после замечает то, как я хромаю.

Я ведь падала, пока бежала к развалинам. Это было до-

статочно больно. Я подвернул ногу, но всё равно продолжала идти, потому что считала, что в этом мире есть вещи и побольнее.

Ник шёл рядом с Асей, и он придерживал её за талию. Всё таки та тоже дрожала от холода, и ей было тяжело идти. Мне было также тяжело, но я не хотела просить помощи, я бы без них всех справилась бы.

Вдруг я чувствую, как ко мне медленно подходит бес-
смертный.

— *Т-тебе ч-чего?* — Спрашиваю я, дрожащим от холода голосом.

Парень накидывает на мои плечи свою куртку. Одежда была огромная на мне, и сидела как мешок. Стало немного теплее, но... я захотела отдать её ему обратно.

— *Заб-бери.* — Говорю я.

— Не глупи, отдай мне *свою* куртку а мою надень обратно. Ты вся промокла.

— *Я не м-м-маленькая девочк-ка, не надо за мной ухаживать. Я это и сама сделать м-могу.* — Фыркнула я.

— Слушай, самостоятельная, ты между прочим самая младшая в отряда, а ещё ты гостья. Это такое гостеприимство.

— Скажи честно, просто ты девушек в беде не бросаешь. — Перебивает его Ник, на что Эйден усмехается.

— Я и парням помогаю, но не потому, что я их в беде не оставляю. А то звучит как-то романтично. — Смеётся ангел.

Вдруг я остановилась, зависла, замерла. В глазах потемнело. Я чувствую, будто тяжелый металл пронзил меня. Открыв глаза, я увидела красное небо, и туман. Мой шрам внизу живота начал кровоточить. Его будто продолжали резать глубоко, и по контуру.

Я истошно кричала. Невыносимая боль пронзала всё тело. Руки не шевелились из-за сильного холода, и ноги тоже. Я лежала на снегу, не шевелясь, и крича от боли.

— Эй! — Кричит кто-то из реального мира, и начинает трясти меня за плечи. — Не засыпай!

Спустя пару минут я закрыла глаза, а после вернулась в реальность.

В реальном мире всё было такое... медленное. Я открыла глаза, после чего ангел стал меня тихонько поднимать, но шрам, оказывается, кровоточил по настоящему. Я дрожащим голосом произнесла:

— *T-там...*

Я указала на огромное красное пятно, на кофте, которое медленно спускалась к джинсам. Эйден начал расстегивать мои джинсы. На больном боку он слегка приспустил их. Увидев кровоточащий шрам, он что-то начал бубнить остальным. Я его не слышала, ведь меня снова окутал тот самый туман. Мне сильно хотелось спать, я потихоньку закрывала глаза.

— Нет, нет. Не спи, милая. — Говорит Эйден, снова трясая меня за плечи. — Сколько пальцев показываю.

Он показал два пальца, но моё воображение нарисовало ещё два. Я знала, что моё воображение на данный момент всё дорисовывало.

— Два.

— Умница, — Произнёс он ласково, но его руки всё ещё тряслись. — правильно. Только не спи, слышишь? Говори что ни будь.

— *Мама... где мама моя...*

— Она о родителях говорит. Её психика не терпит того, что происходит. Её нужно срочно на базу. — Говорит Ник.

Я несла какую-то ересь. Мне казалось, что я видела маму. *Но она же умерла...*

Ангел взял мою куртку и перевязал мне низ живота. Он старался помогать мне идти, и быстрым шагом мы дошли до базы за пол часа. Мне было очень холодно, а ноги становились ватными. Мне хотелось упасть, но Эйден продолжал держать меня.

Всё сразу же столпились около входа, вместе с генералом. Пройдя в холл, я вдруг увидела *его...*

ГЛАВА ВТОРАЯ

«Встречать тех, кто когда-то ломал меня, и видеть их победы — это словно читать напоминание о своих упущенных возможностях...» — Офелия.

Феликс был самым горячим парнем в армии. Он был очень красивым, и одновременно очень мерзким. Этот парень устраивал травлю в армии, против меня. Я ненавидела его всём сердцем. Он травил меня, и одновременно постоянно заигрывал со мной. Когда я начала работать медсестрой, то он всячески домогался до меня: пытался лапать, за талию придержать. Он был обычным высоким парнем двадцати трёх лет, с тёмными уложенными волосами, и серо-голубыми глазами. Он был симпатичным, но... таким отвратительным.

Я никак не ожидала увидеть его в окружении отряда. Он лежал с, кажется, простреленным боком. Кажется в него сегодня тоже кто-то стрелял. Но меня удивило не то, что в него стреляли, а то, что он снова появился в моей жизни. Он выглядит таким привлекательным даже истекая кровью.

Меня направили в палаты. Пока я хромала, но всё равно продолжала оглядываться. Его окружала глава отряда. Феликса оставили лежать на диване в холле. Там уже никого не

было, кроме главы. Все побежали именно за моим телом.

Эйден нёс меня на руках. Я слегка прикрывала глаза. Чувствуя сильную боль, я понимала, насколько мои веки становились тяжёлыми.

— Не спи, — повторил парень. — мы почти пришли.

— Я не могу... — отвечаю бессильно я, и снова прикрываю глаза. По моим щекам пошли слезы, я почти не дышала.

— Сколько пуговиц на моей рубашке? — спрашивает он.

Я осматриваю его рубашку, а после начинаю считать. В этот момент мир снова затуманился. Я позабыла всё: где нахожусь, кто я такая, что, зачем, и почему. И язве родной я забыла, поэтому считала на латыни:

— Raze... duo... tres... quattuor... octo...

Раз... два... три... четыре... восемь... Стоп, восемь?

— После четырёх идёт пять. Старайся сосредоточиться.

Меня уложили в постель. Они начали развязывать куртку на моей талии. Господи, как же больно...

Врач осматривал меня, дезинфицировал рану, пытался её зашить так... что я каждый раз сжимала руку бессмертного, и продолжала из раза в раз считать, после того, как сбилась. Мне никогда не было так больно, как сейчас. Я снова издала истошный визг. Врач прошивал рану посередине, это было самое больное место.

— Заткните её уже кто-нибудь! — Кричит недовольно Ася. — Я уже не могу её визги слушать!

— Ей больно! — Кричит Санни. — Хватит! Не трогайте

её!

— Рана будет кровоточить, пока её не закрыть, я не могу остановить кровь.

Я снова начинаю кричать и извиваться от резкой боли. Это было ужасно больно. Когда я извлекала из себя пулю, это было не так больно, как мне зашивают этот чёртов шрам.

— Ты слышишь меня? — Спрашивает Эйден.

Я обращаю внимание на него. Разум всё ещё туманился.

— *Memini me cum matre per litus ambulare. Bene nobis erat.*¹

‖ *Memini me cum matre per litus ambulare. Bene nobis*¹ —

Я помню, как мы с мамой гуляли по пляжу. Нам было так хорошо. ‖

Всё вдруг начали переглядываться, и гадать, что именно я сказала.

— А она должна быть такой белой, или... — Заикнулся врач. Ну да, я часто слышу это. Слышу то, что слишком белая.

— Простите, а вы точно врач? — Фыркнула Эмма.

Мужчина ничего не ответил, и продолжил зашивать рану.

Треская зубами, я грязно выражалась на латыни.

— Что ты там мямлишь? Скажи же нормально! — Требуется Асия. — Вдруг ты умираешь, а мы даже...

Её резко перебивает Эйден:

— Ты извращенка? Любишь когда люди выражаются нецензурно?

Когда врач спокойно дошил рану, в сопровождении уже

не таких громких криков, то он сказал:

— Без растяжений. Пускай лежит, и по возможности не занимается спортом, точнее... вообще не занимается ничем кроме того как лежит и встаёт иногда поесть.

— Её прислали не для того, чтобы она лежала без дела и её всё хвалили? Ну ни хера, просто замечательно! — Возникает Ася, а после обращается к генералу. — И вы её хотите сделать вторым генералом? Не смешите меня.

— А ты себя предлагаешь? — Ответил Зейн. Он явно был не в восторге не от тона Аси, не от происходящего.

— Она ломается уже в первый день, и всего-то из-за того, что просто упала, и всё.

— Просто упала? — Удивляется генерал, и его брови слегка дергаются. — Ты же говорила, что у неё шрам разошёлся?

— Шрам не мог просто так взять и разойтись. — Говорит Ася, сложа руки на груди.

Она недовольно взглянула на меня, будто я должна была дополнить её слова или ненароком в чём-то признаться. Но вместо меня ей ответил Эйден:

— *Раны заживают не навечно. И лишь воспоминание даёт им о себе знать...*

Звучит как строчка из стихотворения, или как в их случае — из книги. Либо же это Эйден слишком выразительный, чтобы произнести хоть слово без цитат.

— Я не просил исповедать меня или Офелию. — Отвечает строго генерал.

Эйден закатывает глаза:

— Опять ты со своим исповеданием. Строчка из книги это. Восьмая глава, в которой говорится о бесконечности внутреннего мира. Не улавливаешь связь? Даже самые маленькие шрамы могут разойтись лишь из-за того, что человек впадет в транс, или в свой мир, а после вновь проживёт события из прошлого.

Я не понимала, о чем они говорили: книги, главы, прошлое — всему этому я не предавала значение. Я боец, а ни криптограф, хотя, если мне дать задачу — то я буду предавать всему значение.

— Что было в тот момент, когда ты была в своём сознании? — Интересуется Зейн, и я тихо отвечаю:

— *Мама...*

Всё же мне было суждено открыться отряду, но, конечно же, не сразу. Не хочу молчать также, как Ася. Она ведь точно мучается из-за того, что не доверяет людям.

— Не буду лезть в подробности, но...

— Она умерла. — Сухо сказала я. — И да, на меня это сильно повлияло. Поэтому это точно имеет дело к случившемуся.

Генерал явно не ожидал такой искренности. Вдруг моё внимание привлёк Феликс, которого врачи в срочном порядке госпитализировали в палату. За ним бежал чуть ли не целый гарем, а точнее, кажется, его родственники. Никто из них, кроме Феликса, даже не дышал в мою сторону.

— Со мной правда ничего не случится. Я бы хотела вернуться в свою комнату. — Говорю я доктору, на что он мне: — Только никакого растяжения, ясно вам?

Я быстро кивнула, пытаюсь встать с койки. Мне нужно было как можно быстрее скрыться от глав и Феликса, с этим я разберусь завтра утром. Всё таки сейчас была ночь. Эйден хотел мне помочь, но я лишь отвечала ему:

— Не надо, я сама.

Я правда не привыкла к помощи со стороны других людей. Я привыкла делать всё исключительно сама. Мне вовсе не нужна поддержка и забота, и я считаю, что могу сама обеспечить себя всё́м этим.

— Ты хромаешь. — Говорит Эйден.

— Что ты привязался? Мне не нужна помощь. Спасибо, что не бросил, но сейчас я могу дойти сама. — Отвечаю я резко.

Он немного раздражал тем, что подлизывался. Одно дело когда человек хороший, но:

Он не человек.

И если человек, или не человек, *слишком* хороший, то это уже обман.

— Но тебе больно.

— Мне не больно, а если даже и так, то только тогда, когда я останавливаюсь, чтобы ответить тебе. Так что не переживай обо мне. Иди позаботься о какой-нибудь другой девочке.

— Ранена пока только ты.

— Тогда в следующий раз не спасай никакую девчонку. Пусть падает в обрыв, а ты её потом спасёшь, и поможешь подняться по лестнице. Хорошо?

Я делаю шаг, как вдруг чувствую то, как его рука хватается моё запястье. Вздвогнув, я тут же потребовала:

— Пусти меня!

Он не стал спорить, не ослушался меня, а молча отпустил моё запястье. Парень молча следовал за мной всю дорогу, а когда я подошла к своей комнате, то он спросил:

— И ты живёшь в этих развалинах? Тебе не холодно здесь?

— Тебе то что? Другой комнаты всё равно нет. А даже если есть, то я не самая важная личность, которая должна жить в роскоши.

Когда я открывают дверь комнаты, оттуда идёт резкий порыв ветра.

— Да ты же замерзнешь здесь! — Говорит Эйден, а после предлагает: — У меня комната отапливаемая.

— И? — Усмехнулась я. — Да хоть дворец. Мне это ничего не даёт.

— Ты бы могла жить у меня.

Я рассмеялась. Ну ничего себе. Сам бессмертный решил предложить мне пожить в его отапливаемой комнате. Интересно, сколько в его комнате кроватей... десять?

— Я не хочу мешаться. — Отвечаю я, а он говорит:

— Ты и не будешь. Я ночую в церкви, а моя комната пустует.

Кажется он немного недобровольно служит в этом отряде. Его скорее в рабстве держат. Либо он мазохист, либо я его действительно не понимаю. Может у них, бессмертных, особые фетиши? Откуда же мне знать...

— Спокойной ночи, пернатый. — Ответила ему я, а после захлопнула дверь прямо перед его носом.

Стоило мне только захлопнуть дверь, как я тут же переместилась в *свою* реальность. В голову лезли куча мыслей, которые я хотела раскидать по полочкам. Но у меня не выходило, и всё потому, что я сильно нервничала. Выпив успокоительное, я тут же повалилась в кровать. Таблетки отключили меня и мой мозг. Я уснула.

В тот день я так ничего не решила.

Утро началось достаточно жарким. В постели и в одной позе, в которой я пролежала всю ночь, было достаточно тепло. Я уже забыла, что у меня самая продуваемая комната в поместье.

Мне нужно было сходить в ванную: умыться и почистить зубы, а ещё посмотреть на то, какая я полная. С одной стороны форма — моё преимущество, ведь я не костлявая, и привыкла к физическим нагрузкам. С другой стороны — я полная, и многие девочки были худее меня.

В коридоре никого не было. Мне нужно было спуститься на второй этаж, ведь там находилась женская и мужская

уборная. По дороге на второй этаж я никого не встретила, но вот на самом втором этаже я кое кого нашла... того, о ком думала перед сном.

Заметив меня, Феликс улыбнулся, и развёл руками. Он был без верха. Можно было позволить краем глаза взглянуть на его фигуру, которая из годы в годы не меняется, и перевязанный бок, а точнее то, что от него осталось после выстрела.

— Надо же, родная. Мы снова встретились. Не уж то это судьба? — Воскликнул Феликс.

Я быстрым шагом направилась к нему. Моё недовольство достигло пика.

— Чего такая хмурая? — Усмехнулся он.

Я совсем не заметила то, как из-за угла кто-то вышел. Меня это не волновало. Я дала Феликсу сильную пощёчину, а после, опираясь на его плечо, ударила его коленом в пах.

— Сука! — Рывкнул парень, а после схватил меня за запястье, чтобы не упасть.

— Что, больно? Мне вот тоже. — Рывкнула я. — Ты что здесь вообще делаешь?

— А я сын заместительницы главы. — Ответил язвительно он. — А ты всё такая же охотница? И насколько я понимаю ты остаёшься из годы в год такой же слабой, какой и была в армии.

— Если твоя матушка насосала на это место, это не значит...

После моих слов он схватил меня за волосы, и я вновь

ударила его, но уже кулаком, а после оттолкнула.

— Придурок!

После этого я заметила Эйдана. Мать вашу. Мне сегодня везёт на внимание. А ещё с другой стороны шла как раз таки мать Феликса.

— Феликс! Мальчик мой! — Она тут же подбежала к сыну.

После этого она берёт меня за воротник кофточки притягивает к себе.

— Это ты сделала? Тварь.

Я попыталась её оттолкнуть. Жалко, что я и ее ударить не могла. Пусть скажет спасибо, отделалась лишь своим тупоголовые сыном.

— Проблем хочешь?

— Мам, спокойно. Я просто упал на лестнице, а Офелия увидела меня, и захотела помочь. — Отвечает Феликс.

Мать берёт его под руку, недовольно осматривая меня с ног до головы. После этого она ведёт его в непонятном направлении, кажется, в медпункт.

Эйден берёт меня за руки, и начинает осматривать разодранные в кровь костяшки пальцев. Заметив пор действия, я тут же оттолкнула его.

— Что ты делаешь?

— Это я у тебя должен спросить. — Отвечает он.

Ну конечно, пернатый, украл мой сленг. Если бы я не сказала это вчера, сегодня он ответил мне иначе. Совсем своей

головой не умеет думать, чудик.

— Вы знакомы с Феликсом? — Поинтересовался он. —
Дам совет, лучше с ним не связываться.

— Без тебя не догадалась, спасибо. — С недовольством
рычу я.

Мне не хотелось обижать его, но он не понимал по друго-
му. Да даже грубо он понимает меня.

— Что-то случилось?

— Тебя это не касается. — Отвечаю я, и пытаюсь хлоп-
нуть дверью, но он придерживает её ногой. Какой же упёр-
тый этот петух.

— Я могу тебя выслушать, я поддержу тебя.

— Слушай, пернатый, тебе обязательно бегать за мной?
Займись охраной поместья, а не моей личной охраной, хо-
рошо? — Это было грубо и необходимо одновременно. Ко-
гда он замолчал, я начала виновато опускать взгляд в пол. —
Прости, прости...

Я тут же хлопаю дверью. Не могу не извиниться за такой
срыв. За что же мне такое счастье... зато Эйдана я не избила
также, как Феликса. Феликс хотя бы мразь, а Эйден просто
наивный, и слишком добрый. Теперь мне жутко стыдно пе-
ред этим пернатым. На некоторое время я отвлеклась, ведь
в комнату зашла Санни.

— Доброе утро. Как ты? — Спрашивает с ходу она. — Не
сильно холодно?

Кажется она пришла не умываться. Она пришла по мою

душу. Не хочу, чтобы за меня переживали, поэтому отвечаю честно:

— Со временем привыкаю, и становится тепло.

Она улыбается мне. Я переодевалась в форму: тесные чёрные джинсы и чёрная облегающая кофта. А в джинсах и правда было тесно, они на размер меньше моего. Зато в них не холодно.

— Всё уже позавтракали. Тебя решили не трогать, так как ты пока не в отряде.

Я поперхнулась зубной пастой, кажется, и тут же удивлённо спрашиваю:

— В смысле «не в отряде»?

— Генерал решил позаботиться о тебе. — Отвечает Санны, и виновато опускает взгляд.

Она явно была не в восторге от моего недовольного взгляда. Я сказала:

— Прости. Просто не хочу сидеть без дела.

— Об этом стоит поговорить с Зейном, — Отвечает она. — ведь это его решение. Он говорит, что не хочет потерять сильного человека.

— Просто супер! — Фыркнула я.

А меня он не хотел спросить? Может я готова работать? Я так понимаю, что принял он это решение исходя из личных целей. Отличный генерал. Таким только премию, да работу высокооплачиваемую давать. Сама я действую таким образом только в экстренных случаях. Но я не помирала, это не

экстренный случай!

— Где можно найти хоть кого-нибудь ? У вас здесь всё по комнатам прячутся? — Интересноюсь я.

— Генерал в основном в своем кабинете. Эйден постоянно в церкви. Лично я либо в комнате, либо на кухне.

Не знаю с какой целью она рассказывает мне про Эйдана, ведь я запомнила его вчерашние слова. Никак не могла выбросить этого бессмертного из своей головы.

— Я пойду к генералу.

— Хорошо.

— Проведешь меня?

Санни кивает, а после я ступаю за ней. Кабинет генерала находился на втором этаже в другом углу здания. Мы дошли до него за пять минут. Коридоры были бесконечные.

Когда мы добрались до кабинета генерала, то я три раза постучала в дверь, а после прошла внутрь. В кресле сидел Зейн. Он явно был удивлён моим визитом.

— Офелия, ты так рано? — Он вопросительно взглянул на меня. — Обычно в мой кабинет стучаться и ждут разрешения, чтобы войти, но...

Я грубо перебила его:

— Мне некогда ждать вашего разрешения.

Мои руки расположились на краю его стола. Я пронзила его недовольным взглядом, даже агрессивным. Ему явно не понравился мой тон.

— А что это за интонация такая? — Возразил мужчина.

— Такая интонация складывается из того факта, что вы не доверяйте мне. Вы думаете, что я слабая. Я приехала сюда не в койке лежать, а заниматься тем делом, за которым я сюда и приехала. Даже если это приказ — мне всё равно. Если я вам нужна только для вида, то так и скажите. Либо я вместе с остальными в отряде, либо я прямо сейчас собираю вещи, и еду обратно. Если не идёт поезд — значит пешком. Но я не буду здесь задницу просиживать. Вам это ясно?

Во мне наконец-то проснулся напор. Я не потреплю такого халатного отношения к себе. Если я выгляжу хрупче других девочек, и веду себя по особенному, то это вовсе не значит, что я слабая. Шрамы всегда были моим слабым местом, но забыв про них — я снова обретаю силу. Мне важно, чтобы меня воспринимали всерьёз.

— Ты понимаешь, что...

— Нет, не понимаю. Так что, я могу собирать вещи? — Я недовольно ухмыльнулась, видя то, как генерал нервничает.

Он явно не хотел потерять такой лакомый кусочек, как я, поэтому сказал:

— Ладно, так уж и быть. Ты можешь работать со всеми, но пожалуйста, соблюдай рекомендации врача. Никаких растяжений и...

Последние слова я не расслышала, уже покинула его кабинет. Кажется, что у меня уже есть официальное место второго генерала, причём строгого. Вдруг я услышала помехи из рации, и взяла её в руки.

— Меня слышно? Приём. — Раздался голос бессмертного.

— Слышно. Что тебе снова нужно? Приём.

— Ты же знаешь латынь? Мне нужно помочь перевести некоторые записи. Приём.

— Ты в церкви? Приём. — Интересуюсь я, и в ответ слышу положительный ответ, после которого идёт «приём».

Не знаю, где была моя куртка. Я не стала искать кого-то и трогать чужие вещи. В минутах пятнадцати от поместья был огромный храм. Я направилась туда. Погоду я снова не рассчитала. На улице был жуткий мороз. Не понимаю, о чем думала, когда выходила без куртки, шапки, шарфа, и перчаток. Как же холодно.

Добежав до храма, я тут же распахнула дверь, и вбежала внутрь. Около горящей макулатуры сидел Эйден. Он разбирал другие бумажки, которые были точно по важнее, чем горящие.

— Ты? — Удивился он. Кажется, что он действительно думала что я проигнорирую его. Глупый.

— Офелия. — Поправляю его я. — У меня имя вообще-то есть!

Подняв на меня свой взгляд, он тут же удивился.

— Ты почему без куртки? *Господи*. Ты же замерзнешь! — Говорит он, и подходит ко мне.

Парень накидывает мне на плечи свою куртку. Поблагодарив его, я медленно подхожу к бумагам. Посередине лежала

книга, а вокруг неладно куча ненужных, исписанных листов.

— Как ты вообще думаешь в такой холод? — Удивляется он, и проходит за мной. Он окидывает взглядом бумаги, а после спрашивает: — Сможешь что-нибудь перевести?

— Ого, — усмехаюсь я. — а тут достаточно.

— Ты ведь говорила с генералом?

После его последнего вопроса я резко поднимаю свой взгляд.

— Ты откуда знаешь?

— Не сложно было догадаться, что это произойдёт. Ты не хочешь сидеть на месте. И дай угадаю. Ты ему нагрубилa, и поставила условие, где он не мог не пойти на твои услуги.

Откуда он всё это узнал? Может он сидел в шкафу, пока мы с генералом говорили? Или... у него под столом? Сомневаюсь.

— Ты слишком догадливый, не думаешь? — Это был риторический вопрос. Он лишь усмехнулся.

— Просто от тебя этого и следовало ожидать.

— *Cerebrum nostrum potest cogitare quidquid vult. Nos ipsi opprimere possumus credere in illis quae nos ipsi creavit. Haec auto-suggestio appellatur.* — Я читаю эту строчку вслух, а после сразу начинаю переводить: — *Наш мозг может думать о чем угодно. Мы можем заставить себя поверить в то, что создали сами. Это называется самовнушением.*

Эйден все время смотрел на меня. Не понимаю, почему он так привязался ко мне? Неужели ему нравится моя дерзость,

или ему нравлюсь я... господи!

— Ты нервничаешь. Почему? — Спросил парень, наблюдая за моими трясущимися руками.

О господи, это было очень неловко. Очень-очень неловко. Он видел, как я переживаю. И почему я вообще думаю о том, что он думает? Нет, я вовсе не переживаю.

— Нервничаю? С чего ты взял? — Усмехнулась я. В моём голосе пробежала лёгкая дрожь.

Когда он коснулся моей руки, всё моё тело тут же пронзило этой дрожью.

— погоди, — отвечаю я. — не отвлекай.

Я всматривалась в страницы, и их содержание, но никак не могла сосредоточиться на переводе. Эйден буквально пожирает меня своим взглядом. Мне... непривычно, и... смущает это меня в общем!

— Даже не понимаю, что горит сильнее... огонь, или твои щеки. — Смеётся парень.

— Замолчи. — Требую я с лёгкой усмешкой.

— Ты не ангел?

Я снова взглянула на него. Ангел?

— С чего мне быть им?

Думаю, что человек с ружьём не может резко стать ангелом.

— Внешность не показатель, но мне кажется, что тебе бы очень пошло быть ангелом. Ты красивая.

Было приятно услышать то, что я красивая. Скорее всего

он имел ввиду, что я альбинос: слишком белая для белых. Многим нравилось то, что у меня ресницы белые, к примеру. Это было моей особенностью.

Отвлечшись от книги, я слабо улыбнулась, а после сказала:

— Иногда мне кажется, что я наоборот дальше всех от Бога.

— С убийственной красотой так да.

Я посмеялась вместе с ним. Людей, что заставило меня улыбаться, можно пересчитать по пальцам. Их действительно не так уж и много. Заметив, что я наконец улыбаюсь, он произнёс:

— Почаще улыбайся. Тебе к лицу.

— Мне также *мама* говорила... — Отвечаю я, держа уже натянутую улыбку.

— Мне родители тоже так говорили, а потом разбились насмерть в аварии. Мне тогда четыре года было... — отвечает он тихо, а после слабо улыбается. — Никто не брался за меня, сдали в церковь, и все. Я немного знаю латынь, но не говорю на ней.

Я знала одного человека, родители которого тоже разбились в аварии. Я всё ещё не могу вспомнить его имени. Этот человек тоже рос в церкви, и он очень сильно был похож на этого пернатого, только без крыльев.

— Я ничего не умел кроме как петь, играть на пианино и читать. Меня часто заставляли сидеть в библиотеке. Потому

что ничего другого я не умел. — Он говорил это с ноткой разочарования в голосе. Мне было его жалко. — Я всем помогал, постоянно. Моя помощь меня погубила, и в один день меня зарезали. Мужчина вспорол мне бок.

Он поднял рубашку, а после показал шрам, на том же месте, где был сделан и мой. Мой шрам был оставлен отцом. Тогда он тоже хотел убить меня таким способом. А Эйдена убили.

— Меня возродили как ангела. Не знаю, как так получилось. У меня появились крылья, и сила, которую я по началу не контролировал.

— Убивал всех?

Страшно было представить, какие именно силы бессмертный не контролировал. Всё таки такие силы могут быть достаточно опасными.

— Нет, — ответил он. — точнее да. Но, всё равно нет.

— Убивал, но не до конца?

— Что-то вроде. Это был один единственный раз. Я напал на парней, которые травили меня в детстве, но не успел расправиться с ними. Зейн оттащил меня от них, и успокоил. Я не мог унять свой гнев. Моя агрессия разрушала меня. Я кричал от боли. Моё сердце не настроено на гнев.

Демоны не могут жить с ангельским сердцем, а ангелы с дьявольским. Их личность зависит от их прошлого, но даже ангелы не могут злиться. А демоны не могут испытывать сочувствие и жалость.

Я видела, как ему тяжело было говорить об этом. Прошлое у него было трудное. Мне хотелось обнять его.

— А меня папа бил постоянно, и маму убил мою. В шестнадцать я пошла в армию, и до двадцати лет служила там, одна, среди парней. Я была достаточно дерзкой и строгой, и генерал восхвалял меня. Парням это не нравилось, и они... травили меня... все три года.

— Поэтому ты такая колючая, и не принимаешь заботу и помощь? — Он опускает виноватый взгляд.

Я подползаю к нему, а после обнимаю.

— Не знаю. Не хочу даже думать об этом. Решила сказать как есть, чтобы тебя не обижать.

После своих слов мне было так неловко. Такое чувство, будто я и вправду обидела его. Меня жутко смущало то, что мы были настолько близко друг к другу.

Вдруг нас прервал звук шагов. Я тут же отлипла от бесмертного. В храм зашёл невысокий парень, с длинными тёмными волосами и темно-кариими глазами, ещё он был достаточно худым. Взгляд у него был какой-то странный, и уши были почти как у эльфа. Я сразу заметила странности.

— Эйден, — после того, как он увидел меня, то сразу остановился. — прости, не помешал?

— Нет, нет. — Говорит Эйден. По нему было видно, эти объятия поставили его в немного неловкое положение. — Проходи.

Парень ускорил шаг, а после остановился перед горой го-

рящего мусора.

— Мама хочет видеть новенькую. Мне сказали, что она здесь.

Мальчишка тут же взглянул на меня. Ну естественно. Кто же в этот отряд придёт, как не я.

— Шевелись, — грубит он. — мама не любит ждать.

Мама не любит ждать... кому знать, как не мне. Я тут же поднимаюсь с корточек.

— Я пойду с вами. — Говорит Эйден, но мальчик перебивает его:

— А ты зачем?

— Я с ней.

Эйден знал, что я не понимаю, о чем идёт речь. Он хотел пойти со мной. Но мальчишка явно не был настроен на компромисс.

— Я постою за дверью, если надо. Просто... хочу проводить её.

Паренек закатил глаза, а после сказал:

— Ладно, идите вместе. Сладкая парочка, блин.

То, что мальчишка назвал нас парочкой мне не понравилось, но я решила не возражать, и пошла за ним. Смелый малый.

Нам пришлось вернуться в поместье. Там парнишка привёл нас к кабинету своей мамы. Я три раза стучусь в дверь, а после вхожу, по привычке. Чувствовала, как мелкий хотел уже остановить меня, но я ворвалась в кабинет.

— Я не разрешала входить. — Говорит строгим тоном женщина.

На дверной табличке было выцарапано её имя и фамилия: Мелина Диаз. По тону можно понять, что женщине около пятидесяти трех лет. Она замужем, так как на её пальце красовалось обручальное кольцо. Выглядит она молодо. У неё длинные белоснежные волосы, есть одна чёрная прядь. Женщина, как я поняла, плохо видит, поэтому носит очки. Глаза у неё серые, пустые.

— Прошу прощения. Это такая честь, миссис Диаз, но ваш приказ не ждёт. Поэтому я здесь. — Я не стала грубить, ведь знаю, перед кем стою. И если Мелина захочет, то уже завтра я буду стоять вместе с другими провинившимся в ряду на расстрел.

— Твоё имя...

Она ждала, пока я представляюсь, а во время этого копошилась в документах.

— Офелия Селин.

После того, как я представилась, женщина вышла из-за стола. Она осмотрела меня с ног до головы а после спросила:

— Ты всегда такая белая была?

Это самые обыкновенные вопросы. Не удивляйся, не возражай, и не принимайте близко к сердцу. Она не стоит твоего внимания.

— Всю жизнь, сколько себя помню.

Я опустила виноватый взгляд в пол. Как обычно, ничего

нового. И почему я прогнулась под эту хамку? Эта женщина выводила меня из себя. Поверить не могла, что меня задела её слова.

— Обиделась? — Усмехнулась она.

— Вы меня только для этого вызвали? Чтобы поглумиться? Я могу дальше идти и выполнять свою работу? — А вот это было очень даже дерзко.

Мелина рассмеялась, а после фыркнула:

— Ладно, ладно. Ты мне хочешь сказать, что служила в армии три года, и была командиром, генералом, или кем там ещё бывают...

— Ну, — коротко ответила я. — к чему вы клоните?

— Ты точно в армии служила? Ничем не отличаешься от пустышек в нашем отряде, но почему-то у меня есть список твоих навыков и должностей.

— Я могу выстрелить вам в голову на огромном расстоянии. Сойдёт такой вариант?

Тут я уже включила свою дерзость. А Мелине, кажется, это очень даже нравятся. Она усмехнулась, а после ответила:

— Мне говорили, что ты травму получила? Работать сможешь с ней?

— Получала, но это пустяки. Работать смогу.

Она вроде бы и сама проходила мимо меня, когда я мучилась от боли. Но да ладно. Кто я такая вообще, чтобы на меня обращали хоть каплю внимания?

— Хочешь работать — пожалуйста. Только с выражения-

ми будь поаккуратнее. У нас тут не приветствуется дерзость.

Она так странно мыслит. Мне ни чуть не нравится её надменный тон. Она была строгой, наглой, и неприятной в общении, но я её прекрасно понимала. Все таки эта женщина дала куче людей крышу над головой, поэтому она такая требовательная.

— Удачи, мисс Селин.

Я ухмыльнулась, а после покинула её кабинет. Выйдя в коридор, мальчишка начал огрызаться:

— Кто ты вообще такая? И что ты о себе возомнила?

— Не слышал её? Думала я, что дольше просижу с её вопросами.

Парень сложил руки на груди, а после фыркнул:

— Мама тебя *ненавидит*. Я уверен в этом.

— Кажется... наоборот. — После этих слов я язвительно улыбаюсь.

Мне нравилось злить этого мальчишка.

— Давайте вы успокойтесь, а после этого мы пойдём дальше переводить книгу. — Отвечает Эйден, а затем прожигает меня взглядом.

На слова бессмертного паренёк недовольно отвечает:

— А мне показалось, что вы занимались вовсе не переводом.

Он вывел меня из себя, когда снова заговорил о том, что у нас с Эйденем была некая *химия*. Бессмертному явно не было чего ответить на слова мальчишка, поэтому я возразила:

— А ты чего увязался за нами? Ты личный телохранитель, или просто идиот?

На Эйдена я взглянула краем глаза. Он удивлён. Он *очень* удивлён. И что я не так сказала? Всё же по фактам. Этот мальчик многое себе позволяет, и совсем забыл, как разговаривать со старшими.

— Знаешь, ты такая мерзкая. — Съязвил он.

Последний раз я слышала это из уст папы, когда мама переодевалась. *Мысли у них всех мерзкие, блять.*

Я тут же дала малому пощёчину. Он явно не ожидал такого. Парень набросился в ответ, но Эйден всё таки вмешался.

— Вам заняться нечем? — Рывкнул он, и взглянул на мальчишку: — Угомонись, Фред.

— Если я расскажу маме, то она твою подружку в порошок сотрёт.

— Пожалуйста, приятель.

Эйден взглянул на Фреда как-то по-особенному. Меня будто бы оскорбило это. Я сняла куртку бессмертного, и вернула ему, ничего не сказав. Внутри будто что-то лопнуло... и это было не терпение.

— Эй, ты куда? — Слышу я себе вслед, и *снова* напоминаю ему своё имя:

— Офелия!

Тут же из рации я услышала шум.

— Офелия, — услышав своё имя, я поежилась. — ты нужна мне. Приём.

Изначально я даже не узнала этот хриплый мужской голос, но потом услышала щелчок зажигалки, и вдруг меня осенило. Нолан Кроуфорд — мой бесподобный, неутомимый коллега.

— Ты где? Приём.

— Я встречу тебя на крыльце, около третьего корпуса. Приём.

Я отвечать не стала, сразу же пошла по месту назначения. Там уже ожидал парень. И снова я без куртки. Он снял своё пальто, как я тут же говорю:

— Мне не холодно. Я была с Эйденем.

Он начинает смеяться:

— Ого. Он наконец-то нашёл своего ангелочка. И как он? Хорош?

Меня будто подменили. Что со мной? Черт возьми.

— Не в *том* плане.

— Я и не сомневаюсь. — Он ещё больше ухмыляется, ведя меня куда то.

Едкие пары дыма идут прямо мне в лицо, ведь я не успеваю идти за этой шпалой с острым чувством юмора. Он курит, и параллельно о чем то говорит:

— Я долго думал о том, кто ты. Пришёл к умозаключению, что ты неплохой коллега, детектив, охотник на бессмертных, криптограф, хамка, и может быть... даже друг.

Друг? Смешно. У меня никогда не было друзей, и не будет. Я не чувствую себя подругой Нолана. Наши отношения

построены именно по деловым планам.

— И что? Догадываешься, куда я тебя веду? — Усмехается Нолан, не слышав на предыдущие свои слова какого либо ответа.

А я ведь даже представить не могу. Думаю, лучше бы на верную смерть, но да ладно. Нолан привёл меня в подсобку, с кучей старых документов. На столе стояли две бутылки вина и два бокала. А он романтик.

— А закусывать мы бумагами будем? — Усмехнулась я.

— Друг другом закусывать будем.

Он коротко подмигнул, а после уселся за стол.

Место было пыльное, тихое, а ещё немного жаркое, то ли из-за прилива смущения, во время распития алкоголя, либо из-за того, что в помещении было мало места, а нас было двое.

— Это по дружески. — Мямлит Нолан. — Ты только смотри, чтобы не откинулась сейчас, а то мало ли, как вчера...

— Думаешь если я боевая хамка, то ни разу не пила?

Вообще-то да... я ни разу не пила. Не понимаю, как это делать. Коньяк отвратительно воняет, водка тоже, и белое пиво вдобавок. А вот вино... *сладкое...* В нём есть какая то... *перчинка что ли...*

— Вкусно. — Говорю я.

— Ты интересный человек, Офелия Селин. — Говорит мне мужчина, закуривая сигарету. — Тебе удалось завоевать

внимание генерала. Тебе удалось завоевать доверие Диаз. Ты просто поразительна. И почему тебя раньше к нам не занесли?

— Наверное потому, что я слишком хороша для вашего хлипкого отряда. — Отвечаю я, и чувствую, как в груди поднимается жар.

У меня кружилась голова. Голос Нолана постепенно превращался сплошной шум на фоне, или в банальное эхо. Всё тело превращалось в вату. Я обмякла, после чего закрыла глаза.

Эта тёмная комната казалась такой тесной. Окон не было, а дверь была закрыта. Дышать было критически нечем. Голова кружилась, а говорить я не могла от слова совсем.

— *Офелия.* — *Слышу я знакомый голос, он раздаётся как эхо. Он повторяет: — Офелия, дочурка.*

Нет, не может быть, только не он. Пожалуйста, только не он! Отец расположился у книжных полок. Он крутил в руках нож, и лишь надсмехался надо мной и моим страхом. Он не мёртв, я знаю, он не мёртв. Отец инсценировал свою смерть, на самом деле он ещё жив, и не только в моих снах. Вот почему я не чувствую боли в районе зашитого шрама: потому что отец мой жив.

— *Сука драная. Думала сбежать от меня? Думала, что я не найду тебя?*

Он подошёл чуть ближе, и схватил меня за горло, начи-

ная душисть. Воздуха в лёгких действительно не оставалось. Я умерла.

Когда я открываю глаза, то вижу Нолана. Тот навис надо мной, и тряся за плечи, пытался разбудить. Я уснула? Или это были галлюцинации?

— Офелия, — своё имя я вновь ощущаю эхом. — ты в порядке?

— Я? — После этого глупого вопроса я посмеялась. — Да, в полном.

Эйден.

Новенькая ушла без причины, кажется. Это было так странно и непонятно. Мне показалось, что она была зла, и что она нервничала. Меня мучало то, что я не знал, из-за чего это. Я чувствовал вину.

Мне нужно было найти её. Она ушла без единого намека на место и действия. Я смог обойти весь первый и второй корпус, и половину третьего. Теперь мне остаётся только спуститься в подсобку. Не могла же она сквозь землю провалиться, верно? Я был уверен, что Офелия там. Я слышал её смех из подсобки. Но спустившись вниз, я увидел...

Увидел, как Офелия лежит под Ноланом, не в самом извращённом плане, но...

— О, Эйден, ты тут? — Усмехнулся Нолан, а после убрал свои руки от девчонки.

Не сказать, что я был рад увидеть эту картину. Внутри что-то закипело: то ли мое терпение, то ли что-то более хруп-

кое.

— Что с ней? — Спросил коротко я.

Она явно была напугана, но скрывала страх под улыбкой. Она упала? На столе стояло два бокала и бутылка вина. Весь этот вид мне *очень-очень* не нравился.

— Она упала, уснула наверное. — Сказал Нолан.

Меня всегда учили не реагировать резко, и разбираться во всем. Я не мог. Нет. Я хотел... нет. *Нет, нет, нет...*

— Отнесешь её в спальню? А то боюсь, что я не туда заведу её. — Говорит мне старший, после чего я смотрю на Офелию.

Она не могла встать. Все её тело дрожало. И она снова была без куртки. Я помог ей подняться, и накинул на её плечи свою куртку.

— Я хочу допить! — Требует она, беря в руки бокал.

Я выхватываю сладость из её рук, а после возвращаю на стол, со словами:

— Ты сегодня достаточно выпила.

— Эй!

— Эйден. — Поправляю её я также, как это делала она.

— У меня имя есть.

Я пытался пошутить, и отвести её внимание. У меня получалось. Ей было очень тяжело идти. Поэтому пришлось взять её на руки.

— Пернатый, — говорит мне она. — из тебя неплохой доставщик людей.

— Благодарю.

Самое главное было не попасться главе. Мелина не терпела запои, а тем более не потерпит то, что новенькая будет пить, вместо того, чтобы работать. Выйдя на улицу, я тут же заметил на крыльце Мелину и её сестру Мелиссу. Чёрт.

— Держись крепче, и не издавай ни звука. — Приказываю я, а после крепко обхватив её талию, взмахнул крыльями, и взлетел на воздух.

Она обвила мою шею руками, а после уткнулась носом в грудь. Я чувствовал, как подрагивало её тело. Неужто от нашей близости? От холода? Или она просто высоты боится?

— Ты дрожишь. — Говорю я.

— Слишком высоко... — Шепчет она.

Мы подлетаем на крышу, где я часто нахожусь в своих мыслях. Оттуда был хороший обзор на город. Я прошёл через дыру, и подойдя к двери в её комнату, наконец опустил её на ноги.

— Эй, пернатый. — Я вновь слышу её хриплый голос. — Спасибо тебе...

Я не должен ревновать её. Она не моя собственность. Она свободный человек. Я не имею права ограничивать её только потому, что я этого хочу. Но почему я так нервничал, когда понял, что она пила с *Ноланом*. Я не имею ввиду, что она должна была пить со мной. У них с Ноланом были хорошие, или даже «братские отношения», но меня это напрягало, и очень сильно.

— Я не хочу спать, сейчас день. — Отвечает девчонка.

Я улыбаюсь. Такое чувство, будто знаю Офелию всю свою жизнь.

— Расскажи что-нибудь. — Требуется девушка.

Усмехнувшись, я начал свой рассказ:

— Когда я был примерно в твоём возрасте, то тоже выпил в первый раз, помню, это была русская водка. После неё я по полу ползал, и говорил, что я собака. С меня друзья смеялись как не в себя. Все когда первый раз пьют, то ведут себя странно.

— Я не первый раз пью! — Воскликнула девчонка. — И вообще, я сделала один глоток!

— То есть ты решила залпом всю бутылку пить?

— Это была твоя очередная шутка?

Офелия улыбнулась, а после закрыла глаза. Она пробурчала:

— Мне не нравится эта погода. На улице холодно, и как будто пусто... и на душе тоже пусто...

— Почему на душе пусто?

— Потому что чтобы выжить — тебе придется постараться. Ты должен иметь, сука, хоть какие-нибудь связи, чтобы тебя банально оставили в живых. Думаешь я такая смелая? Да ничего подобного. Я просто не хочу вот так вот умирать. Я не умру не угадив какой-то назойливой тётке. Не для этого я существую.

Она права. *Она* как никогда *права*. Этот мир никогда не

был таким идеальным. Я знаю, кто эта девочка, кто Офелия, знаю. Когда мне было двенадцать лет, в церкви я встретился с одной девочкой. Её *тоже* звали Офелия, она *тоже* была на три года младше меня, она *тоже* была альбиносом, и у неё *тоже* были проблемы с отцом. *Тот же*. Это не совпадение, и не закономерность, это действительно *она*. Не знаю, вспомнила ли она меня. Наверное нет. Я не особо запоминаюсь людям.

— Неправда. Ты сильная. Ты поступаешь разумно, и таким образом ты остаешься в живых, потому что ты не глупая.

— Не глупая? Правда? Ты же, меня даже не знаешь.

Не знаю? Серьезно? После первой встречи в церкви мы встречались ещё пару раз. Иногда после уроков эта девочка бегала ко мне в церковь, и мы сидели во дворе. Мне было комфортно с ней. Я знал о ней все. Она — книга на не существующем языке, а я словно криптограф, которому суждено переводить её. Я правда искренне понимал её. Я чувствовал всю её боль, и все её обиды. Она *не помнит* меня. Не помнит того всеми отвергнутого мальчика, отвергнутого будь даже самим Богом. Я не святой, и она знала это, знала всё, знала меня, и все мои травмы.

Я молчал, не знал, что можно ответить. За все двадцать три года я слышал многое в свой адрес, но это, пожалуй, было как соль на рану.

— Не молчи, не молчи, пернатый! — Воскликнула она со слезами на глазах.

Я словно услышал треск... не горящей свечи, не оконной рамы, не льда на крыше, это был треск её... сердца? Не такой уж и пустой души? Чего?

Я обвил её хрупкие плечи руками, а после прижался. Она продолжала плакать, дрожать. Я чувствовал, как ей было одиноко. Ещё с детства я запоминать *все*, что она говорила. Она всегда чувствовала себя одиноко среди множества людей. У неё никогда не было человека, который мог поддержать её, но потом появился я, и она хоть понемногу, но засияла.

— Лия, ты вся горюшь. — Говорю я, чувствуя жар её тела. Это температура. Мать твою. Да в какой момент все пошло не по плану?

— У меня таблетки в сумке. — Говорит тихо девушка, дай мне их, и воды, пожалуйста.

— Секунду.

Я присаживаюсь на корточки, и начинаю искать таблетки в её сумке. Не описать было мое удивление, когда я увидел в её сумке не жаропонижающее, а успокоительные.

— Тут нет жаропонижающих.

— Там только одна баночка в сумке, и они помогают. — Отвечает мне она.

— Успокоительные...

— Это не успокоительные. — Перебила девушка.

«Нужные», так скажем, надписи, были за крашенные чёрным маркером. По названию несложно было догадаться, что

это за таблетки. Что поменялось в её жизни, из-за чего она начала пить антидепрессанты? Я даже не уверен, что она использует их по назначению, видно же.

— Я сейчас у врача спрошу нормальные таблетки. Эти не смей даже в руки брать.

— Почему ты распоряжаешься моими вещами?

— Потому что пить таблетки не по назначению — вредно.

— Спасибо, я и без тебя не догадалась. — Фыркнула она, но сопротивляться не стала.

Я уже пошел на выход, как вдруг, открыв дверь, я увидел Феликса. При виде меня, он заговорил первым:

— Ого, а это уже интересно.

Он хотел пройти в комнату, но я не дал ему это сделать. Феликс усмехнулся:

— А теперь *ещё* интереснее. Ты что тут делаешь, бедолага? Ты в отчаянии? Все еще ищешь свою спутницу?

— Бедолага пока передо мной. Зачем ты пришёл?

Я помню, как Офелия относится к Феликсу, поэтому не хотел впускать его, и отвечал максимально грубо. Я сам по себе давно хотел поиграть на нервах этого придурка, но теперь у меня есть *дополнительное* преимущество.

— А тебя это волнует? Помни, с кем разговариваешь, птица ты перелётная.

— Помни, что я *Бессмертный*, и мне никто не помешает как можно более извращённо наказать тебя.

— Воу-воу, полегче, приятель. — Меня жутко раздражал

его надменный тон. Терпеть не мог таких людей.

— Не называй меня так.

— Мне нужно поговорить с Офелией. — Требуется парень, но я лишь усмехаюсь:

— И чего тебе нужно от неё?

— А что, я не могу проведать свою подопечную?

А вопрос его меня удивил. Я обернулся к Офелии, после чего она встала с кровати.

— Слушай меня сюда, — обратилась девушка к Феликсу.

— берешь свою задницу, и возвращаешься туда, откуда ты пришёл. Тебе все ясно?

— А еще что мне сделать? Забыла, как я тебя отмазал от матушки?

— Плевать я хотела на твою матушку, и на тебя. Усек?

Её голос все еще дрожал, и она по прежнему еле стояла на ногах.

— Не мерзни, иди ляг. — Говорю ей тихо я.

Феликс лишь рассмеялся, продолжая говорить с Офелией.

— А твой новый парень знает о н...

Он не успевает договорить, как девушка замахивается на него, и бьет с кулака. Приятное зрелище, но мне пришлось разнять их.

— Вот же сука! — Фыркнул он.

— Сам сука! — Отвечает она дрожащим голосом.

Я усаживаю её обратно на кровать.

— Я тебя убью, тварь! — Слышу я за своей спиной.

Стоит мне развернуться, как я хватаю Феликса за руку.

— Ты что творишь? А?

— Думаешь защищать её? — Рычит Феликс, на что я отвечаю ему:

— Забудь сюда дорогу, придурок.

Я захлопнул дверь перед его носом, а после вернулся к Офелии. Она сидела на кровати и смотрела в одну точку, дрожа и пытаясь отдышаться так, будто бежала марафон.

— Лия, ты меня слышишь? — Я начинаю трясти её за плечи. — Лия!

— Офелия... — говорит тихим дрожащим голосом она.

— Выпей воды, я сейчас вернусь, я быстро. Мне нужна аптечка, и бинты, и... в общем жди!

Я ринулся в свою комнату за аптечкой. Как правило, этот чемоданчик лежал в каждой комнате. Но в комнате Лии он не появился до сих пор, по понятным причинам.

Вернувшись в её комнату, я увидел её сидящую в углу комнаты. Она поджала колени к груди, и сцепила руки. Девушка по прежнему дрожала, и плакала.

— Вставай, звёздочка, не сиди на холодном полу.

Я вернул её на кровать. Она хотела прикрыть заплаканное лицо руками, но я не дал ей этого сделать.

— Все, девочка моя, спокойно. — Приговариваю я, и снова обнимаю её.

Я слышал тихие всхлипы, чувствовал её дрожь, и слезы,

стекающие по её щекам. Она плакала только при мне. Только *мне* удавалось видеть её слезы. Офелия всегда боялась казаться слабой. Слабых обычно убивают, что сделали когда-то и со мной.

— Дай свои ручки, звёздочка. Я перебинтую, и ляжешь спать, хорошо?

Голос мой дрожал, но я все равно старался быть ласковым. Мне было страшно за неё. Я дал ей выпить жаропонижающее, после чего она полностью укуталась в одеяло, оставив только руки, чтобы я мог их обработать.

Стоило мне прикоснуться к её разодранной ваткой, пропитанной антисептиком, как девушка тут же поежилась.

— Больно? — Спрашиваю я.

— Нет. — Коротко отвечает она, затаив дыхание.

Я старался быть как можно нежнее с ней. Она не заслуживала жестокости, *никто не заслуживает*. Офелия не помнит меня, она не помнит меня, *не помнит, не помнит...*

Как же теперь быть? Она не помнит меня, как будто не знает, мы не знакомы... почему? Почему мы не знакомы? Это просто невозможно. Может я путаю её с кем то? Много девчонок альбиносов есть, и у многих проблемы с отцом, доверием, и... черт возьми! Это точно она! Это не может быть кто-то другой. Я помню её маленькую, помню, какое ледяное сердце у неё было, и как я смог растопить его. Но почему она снова такая холодная? Может это не она? Или может она не помнит меня?

Не может быть...

Быть... быть не может...

Нет...

Не хочу верить в это...

Я перебинтовал её руки. К этому времени девчонка уже спала. Она по прежнему была в моей крутке. На её перебинтованные руки я надел свои перчатки, чтобы она не замерзла, и слегка укутал голову в шарф.

Офелия, моя маленькая девочка вернулась. Она ведает мне свои страхи, позволяет мне поддерживать её, открывает своё сердце мне. Может она и не помнит меня, но она точно сравнивает меня с мальчиком из церкви, с её детства.

На секунду я прикрыл глаза...

Внезапно, на все поместье раздаётся громкая сирена. Комнаты и коридоры начали гореть красным светом. Я взглянул на Офелию. Её сразу же разбудил шум.

— Что это? — Спрашивает ещё сонно, но напугано она.

— Тревога. Вставай, нужно спуститься в гостиную.

— Что-то случилось?

— Случилось, сейчас узнаем что.

Я помогал ей идти, ведь она все еще слегка хромала. Стоило нам дойти до гостиной, мы застали весь отряд.

— Что произошло? — Спрашиваю я, обращаясь к генералу.

— Сюда! Быстрее! — Кричит Эмма со второго этажа.

Генерал, Нолан, Санни, Ася, Ник и мы с Офелией пошли

по зову Эммы. Она привела нас в комнату, где располагались пятеро мужчин. У четверых было перерезано горло, а у ещё у последнего был отрезан язык и вырезаны глаза. Ася пыталась сдержать рвотный позыв, и тут же вышла из комнаты. Комнату пронзало каким-то гнилые запахом.

— Мать вашу... — выругался генерал.

Он включает рацию, а после передает:

— Всем немедленно собраться в гостиной. Берем оружие, и спальные мешки.

Мы не стали разбираться с трупами, а послушались указаниям генерала. Все было так странно. Кто мог убить обычных рабочих? Кому это все нужно?

— Здесь все? — спрашивает генерал, вернувшись в гостиную.

Все начали оглядываться, а кто-то начал пересчитывать присутствующих. Я видел, что Офелия была слегка напугана. Сам я уже привык к такой обстановке. Меня ничего не пугало. Я был готов сражаться.

Вдруг по лестнице спускается глава, а конкретно — Мелина и Лонг, а ещё и их дети. Мужчина зевал, а женщина спускалась, медленно хлопая в ладоши.

— Отличный спектакль. Кто мне объяснит, что происходит? — спрашивает миссис Диаз.

— У нас убийство, на пять человек поделили. — Выступает генерал, а на услышанное Мелина лишь рассмеялась.

— Какое горе. И поэтому вы всех собрали? Поминки

устроим?

Вдруг я увидел тень позади главы. И тут раздался крик Офелии:

— Сзади! Пригнитесь!

Девушка направляет курок на тень, а после раздаётся выстрел. Все тут же собираются в одну кучу, и достают оружия.

— Это он! — Кричит Офелия, и бежит за убийцей. За ней бежим мы с генералом и Ноланом.

— Все остаемся на местах! Без паники! — Кричит Эмма, пытаясь успокоить толпу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

«Убийца с планом — все равно не архитектор мира...» —

Офелия.

Офелия.

Я бежала, не смотря на невыносимую боль в теле. Мне было необходимо поймать этого убийцу. Убийцы — не признанные гении, но и гении когда-то ошибаются. Я спасла жизнь главе, а значит у меня уже приличный статус, хотя... не об этом я думаю.

Я гналась за ним по пятам. Человек в плаще и маске был высоким и широким. И он не был особо быстрым. Я все равно была на хвосте.

— Стой, сука! — Кричала я.

Вдруг я услышала шипение. Мать твою, бомба. Он кинул бомбу к окну. Я быстро проскочила мимо, а после услышала взрыв. Незнакомец выбежал на крышу, где поскользнулся и полетел вниз на землю. Я полетела за ним.

— Сука! — Прорычала я от боли.

Пистолет отлетел на пару метров от меня. Падать с третьего этажа — такое себе удовольствие. Я схватила незнакомца за ногу, и потянула на себя.

— Не шевелись, сука! — Кричала я.

Я достала из кармана джинс кастет, и начала таранить его ногу. Я слышала ругательства, исходящие мужским голосом.

— Не шевелись сказала! — Повторила я, уже громче.

Но тот оттолкнул меня. Он пнул меня своим ботинком прямо в грудь, и я сжалась. Удар хоть и был очень болезненным, но это не помешало мне встать на ноги. Он тоже успел восстановиться, и стоял с заряженным луком в руках. Я подняла руки, и сказала:

— Ты этого не сделаешь!

Мне нечем крыть, признаю. Но это еще не проигрыш, верно? Хотя...

Стрела полетела прямо в мою сторону. Я метнулась к пистолету. Но стрела все равно доставала середины меня. Когда я упала прямо к пистолету, то зажмурилась, но... не почувствовала боли. Через мгновение я открыла глаза.

Парень стоял на коленях, спиной ко мне. Его белые громадные крылья прикрывали всю меня. Это был Эйден. Он стоял неподвижно.

— Стреляй! — Крикнул ангел.

Я выглядываю из-за его крыла, а после раздаётся выстрел, а за ним ещё парочку, но мой был первый. Незнакомец тут же спустил свою мантию, а после из его спины начали вырываться такие же громадные красные крылья, как у ангела, только это был далеко не ангел...

Я сразу вспомнила бессмертного, что пожирал труп около обрыва в лесу. Это был он, точно он! Тот бессмертный уже

не волновал меня, ведь он скрылся. Мое внимание завоевал Эйден. С его плеча торчала стрела. Зрелище не из приятных.

— *Эйден...* — дрожащим голосом произнесла я.

Он слабо улыбнулся, а после спросил:

— *Ты цела?*

Генерал и Нолан подбежали к нам. Мужчины тут же взяли бессмертного под руки. Он слегка поморщился от этого жеста.

— Ему больно! — Кричу я, и мужчины оборачиваются.

— Не трогайте его руки.

— Выньте эту стрелу, мужики. — Требуется бессмертный.

— Не вынимайте. Он потеряет больше крови! — Перебиваю парня я.

Эйдена принесли в поместье. Генерал дал приказ никому не расходиться. Все должны были спать в гостиной, в спальнях мешках.

— Это неразумно. — Отвечает Мелисса.

— Это *более* чем разумно. Так мы будем в безопасности.

— Отвечает ей сестра.

— И в каком месте безопасно? Думаете убийца кто-то из нас самих же?

Мелина закатила глаза. Увидев раненого бессмертного, женщина дала приказ:

— Отвезите его на кухню, а там приведите в порядок. Сохраните ему жизнь.

После этого женщина подошла ко мне.

— Спасибо, Селин, что спасла мне и моему мужу жизнь.

Я натянула улыбку, а после убежала за врачом и Эйденом.

Все таки пернатый спас меня, а я даже не помогу ему? Я так то медсестрой работала в армии, и более чем умею лечить людей, да и бессмертных тоже. По крайней мере с последним буду верить в это.

Я стояла в дверной проёме, и наблюдала за тем, как доктор разглядывая стрелу в бессмертном.

— Оцениваешь хорошо, а теперь достань её, прошу. —

Рычит парень

Врач потянулся к стреле, как вдруг я сказала:

— Не вытаскивайте её. Предмет может пломбировать повреждённые сосуды, и при извлечении начнется сильное кровотечение. Дополнительно вы можете повредить нервы и кости. Ещё вы можете пустить туда инфекцию.

Врач взглянул на меня, и сказал:

— А чего сама себе брюхо тогда не зашила? Сможешь его вылечить?

— Смогу. — Отвечаю я, и улыбаюсь.

Врач покидает кухню, а я присаживаюсь около ангела. На нём разорвали его чёрный свитер. К слову, без верха ему идет гораздо лучше. Я замечала очерченные кубики пресса. Он был таким красивым, только вот стрела...

— Долго любоваться будешь? — Посмеялся он. — Ты ещё пьяна? Мне начинать переживать?

— Я сейчас эту стрелу ещё глубже воткну, если не закон-

чатся твои тупые шутки. — Фыркнула я, а после слабо улыбнулась. Все таки я переживала за него. — Почему ты спас меня? Зачем? Зачем пожертвовал собой? Я того не стою, поверь.

— Захотелось сделать что-то непредсказуемое. — Он улыбнулся мне, и я взяла его за руку.

— Ты мог погибнуть. Не стоило так рисковать ради...

— Это уже случилось, — Отвечает парень. — и я рад, что ты цела. А ты что здесь делаешь?

— Пришла вернуть долг. Теперь буду спасать *твою* задницу.

Я коснулась края стрелы ладонью. В прикосновении не было спешки, а была обещанная забота. Когда я вынула стрелу, это не было рывком — скорее долгожданным вздохом. Звук был таким, будто из комнаты ушло тяжёлое дыхание. Кровь — не буйная, а теплая и живительная — проблеснула в лунном свете, и ангел сжал зубы не от боли, а от неожиданного смятения: человек трогал его, и это было в новинку.

Перевязка превратилась в медленный ритуал. Я аккуратно кручу бинт, оставляя совсем лёгкие прикосновения, чтобы успокоить его. Каждое движение — вера в то, что можно привести в порядок не только плоть, но и дух. Я прижимала ткань с той лаской, с какой укрывают горящую лампу, чтобы не забыть пламя надежды.

Парень слегка вздрагивал от резкой боли, на что я брала его за руку другой рукой, и приговаривала:

— Тише, я рядом.

Такие же слова я слышала и от него. Они успокаивали меня, и я была уверена, что успокоят и его. Это и вправду было так.

Когда работа была сделана, я не отстранилась — провела ладонью по его светлым волосам, будто проверяя, целые ли те редкие человеческие нити, что остались в его душе после перерождения. Между нами повисла тишина: теплая и густая. В этой тишине зародилось то, что нельзя назвать иначе, как нежность.

— А меня вылечишь? — Смеется Феликс, проходя на кухню.

Он держался за второй бок. И где этот придурок пропадал? Почему я не видела его, когда нас собирали в гостиной?

— Я не помогаю. — Отвечаю я.

— Разве? Врач сказал, что ты решила занять его место. К тому же, я знаю, что ты еще та медсестра.

Он ухмыльнулся, а после облизал губы. Мне стало очень некомфортно от такого жеста. Это было мерзко и глупо, и выглядело очень пошло. Не с Феликсом, нет.

— Я не могу, — говорю я. — я очень устала. Не могу лечить людей на пустую голову.

Я зову врача. Тот все таки решается помочь Феликсу. Эйден остаётся лежать в койке. Он хотел встать, но я требовала постельного режима.

— Спокойной ночи.

— Уже утро.

После его слов я слабо улыбнулась, а после вернулась в гостиную. Мне было не по себе. Голова все еще гудела, а в ушах звенела сирена. Я хотела сосредоточиться на ситуации, и задумалась о том, кто может являться убийцей. Но голова была забита другим.

Многие уже спали, поэтому я решила выйти на свежий, холодный воздух. Небо по прежнему было тёмное. Где-то вдалеке красовался рассвет. Дул сильный ветер. Двери просто вышибало из-за ветра. Я тут же поспешила вернуться в поместье.

— Генерал, — я начинаю будить мужчину. — генерал. С погодой что-то не то. Нам точно не стоит обратить внимание?

— Не жужжи, — фыркнула Ася. — у нас так каждый день.

Вдруг я услышала громкие хруст, а после треск. Мне хватило секунды, чтобы перевести свой взгляд на лестничную клетку. Там было небольшое окошко. На нём я увидела трещины. Мгновение, и стекло выбивается из оконной рамы. Внутри здания летит снег и ветер.

Остальные испугались звука. Они забежали на кухню, и достали оружие. Генерал тоже напрягся. Когда в здание рванула метель.

— Нужно заколотить окно досками. — Кричу я генералу, на что тот отвечает:

— Нужно заколотить хоть чем то!

— Доски в подвале! — Говорит Фред, а после бежит в подвал. — Сейчас вернусь!

— Небо! — Кричат Санни, а после смотрит в окно с кухни. — Смотрите!

Небо залилось алой краской. Его будто проживали кровью. Никакого серверной сияния, как принято, а этот крошечный ужас.

— Держите! — Кричит Фред, и кидает нам доски.

Вместо меня доски ловит Нолан. Он сказал:

— Оставайся здесь.

Я остаюсь на месте, и наблюдаю одним глазом за происходящим, а другим за остальной частью отряда. Вдруг с улицы я услышала истошные крики и визги.

— Это отродья! — Кричит Ася, а после генерал и Нолан замечают в оконной раме лапу мутанта.

— Мать вашу! — Фыркнул кудрявый. — Прочь отсюда!

Он ударил молотком по лапе отродья, и тот взвизгнул. Генерал держал доски, а Нолан забивал гвозди. Холод и ветер не исчез, но зато все было перекрыто.

Вдруг двери в поместье распахнулись. Там стояли пятеро заражённых. Они без раздумий побежали на генерала и Nolana. Те быстро достали пушки, и начали стрелять. Асия размахивала мечом, а Эмма стреляла из лука

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.